окрашен в то время в религиозные тона. Недаром император Никифор Фока требовал от патриарха, чтобы церковь почитала павших на поле боя воинов наравне с мучениками, причтенными к лику святых.[1] В это время образ Георгия занял почетное место в византийской иконографии.

Несомненно, что в укреплении культа «святых воинов» большую роль сыграла столица, где пребывал императорский двор. Но у нас нет оснований приписывать Константинополю решающее значение и считать, что Георгий почитался в качестве защитника и патрона лишь одного императора и его двора. Недаром на створке триптиха слоновой кости того времени имеется надпись, гласящая что он вместе с другими «святыми воинами» победоносно «изгоняет врагов».[2] Между тем, в таком изгнании врагов за пределы государства был заинтересован не только император и его приближенные, но и весь народ. В силу этих причин Георгий приобрел в Византии широкую популярность не только среди высшей знати и воинства, но и среди широких слоев народа.

В житии императора Константина, написанном Евсевием, сохранились сведения о том, что он приказал увековечить себя в виде всадника, попирающего дракона. На основании этого историки решили, что императоры стремились снискать себе популярность, уподобляя себя легендарным змееборцам.[3] Нам не известно, как выглядело это изображение императора-змееборца. На монете Константина[4] император представлен на торжественно шагающем коне как триумфатор, и потому естественно предполагать, что и Георгию придавали сходные черты.

Сохранились более поздние сведения о том, что изображения Георгия украшали воинские знамена, равно как и стены императорского дворца в Константинополе.[5] Трудно решить, изображен ли был в них Георгий на коне или он был пешим. Но некоторые памятники прикладного искусства XI—XII веков позволяют судить о характере столичных изображений «святых воинов» пеших и на конях. К числу первых относится так называемый триптих Гарбавиль в Лувре, к числу вторых — небольшая резная иконка из слоновой кости Георгия во Флоренции[6]; к последней очень близка резная из жировика иконка Дмитрия в Оружейной палате в Москве (рис. 4).[7] На этих иконках воины восседают на конях как победители-триумфаторы. Под ногами коней нет побежденных ими врагов. Видимо, для столичных вкусов их изображение казалось ненужной подробностью. Кони воинов не скачут, но выступают спокойным, мерным шагом. Воины полны чувства собственного достоинства, как герои, проходящие через триумфальную арку и приветствуемые толпой. Особенно тонко выражено самосознание победителя в образе Дмитрия.

Не исключена возможность, что этот столичный образ «святого воина»-триумфатора имел отношение к распространенному в Византии императорскому культу. На это указывает его сходство с всадником на бамбергской ткани XI века. Император изображен на ней восседающим на

---

[1] Ш. Диль, ук. соч., стр. 88.

[2] A Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, II Berlin, 1934, стр. 33, табл. X.

[3] А. Кирпичников, ук соч, стр. 90. — И. Мысливец, ук соч., стр 366

[4] A Taube, ук. соч, табл. II, рис 1.

[5] Я И. Смирнов, ук соч, стр. 145 — В Н. Лазарев Образ Георгия-воина , стр. 198

[6] M Alpatoff. Eine byzantinische Reliefikone des hlg. Demetrios in Moskau. Belvedere, 1933, стр 23 и сл — L Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins Paris, 1936, табл XIII, 4

[7] M Alpatoff. Eine byzantinische Reliefikone .., табл. 29, 2.